

сен аудиторами к словоконечным, что, по-видимому, связано с меньшей тщательностью и небрежностью артикуляции. В то же время сильноаспирированные словоконечные согласные, реализованные на межсловных внутриакцентных и межакцентных стыках, при более тщательной артикуляции, большей зашумленности и более тесной связанности смежных лексических единиц ошибочно воспринимаются как словоначальные. Становится очевидным, что определенное качество звука (сильноаспирированный, слабоаспирированный, фрикатизированный звук и т.д.) не является единственным выражением тесноты связи между двумя компонентами. Вследствие этого возникает вопрос о том, *что именно* несет информацию о межсловной (межслоговой) связи при одинаковом качестве звука, в одинаковой дистрибуции.

Тем самым возникает необходимость рассмотрения согласной фонемы как конституэнта слога, т.е. вместе с гласным в определенной позиции в речевой цепи, позиции в слове и в отрезке, большем, чем слово. В случаях, когда сильно-/среднеаспирированные или аффрицированные реализации согласных верно соотносятся аудиторами с изучаемыми типами стыка, наблюдается разная теснота связи и «плотность» шумового сигнала на внутрислоговом, межслоговом, межсловном стыке. Иными словами, межсловность (межслоговость) содержит существенную для восприятия информацию о роли консонантного сегмента в конституировании слога в разных позициях относительно более высоких единиц, в то время как само различие физического свойства звука (например, сильноаспирированный, среднеаспирированный, слабоаспирированный или аффрицированный) сохраняется и может быть оценено как вариант репрезентации этой фонемы.

Верное распознавание словоначальных и словоконечных аллофонов на стыках в случаях, когда они реализуются одним и тем же перцептивным вариантом, по-видимому, может быть объяснено не только изменением фазы взрыва по длительности, интенсивности и степени аспирированности, но и модификациями длительности переходных участков на согласном и гласном, а также принятием во внимание модификации предшествующего гласного (Г)СГ.

Е. Б. Карневская

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ДИСКРЕТИЗАЦИЯ
ФОНОЛОГИЧЕСКИ ТОЖДЕСТВЕННЫХ КАТЕГОРИЙ
(из опыта моделирования просодической структуры фразы)

Изменения в лингвистической парадигме, отводящей в настоящее время главенствующую роль изучению речевой деятельности человека, привели к необходимости критического осмысления концептуальных и методологических основ исследования каждой из языковых подсистем. В исследовании звукового строя языка это привело, наряду со смещением фокуса научного

поиска на звуковую форму речевой деятельности человека, к существенным изменениям в трактовке соотношения фонологии и фонетики. Требование строгого разграничения данных понятий, как принадлежащих к разным научным дисциплинам, стало по сути тормозить развитие фонетической науки. Само определение лингвистической ценности исследований по критерию фонологичности изначально отрицает наличие данной ценности в многочисленных экспериментально-фонетических работах. Это касается, в частности, фонетических моделей описания тонального контура высказывания, выделяемых, как подчеркивается оппонентами, по признакам и различиям градиентного (gradient), а не категориального (yes/no) характера. В то же время попытки провести четкую грань между фонологией и фонетикой оказываются практически недостижимой задачей, в первую очередь, из-за трудностей отделения категориальных от градиентных и качественных от количественных признаков.

Нужно признать, однако, что тезис о единстве фонологии и фонетики, пришедший на смену изложенному «ортодоксальному» взгляду, остается пока не более, чем декларативным утверждением, поскольку оба термина, войдя в научный обиход, сохраняются в нем и при этом используются не как синонимы-эквиваленты.

Определенным шагом к объективному раскрытию неразрывной связи между фонологией и фонетикой стало расширение толкования фонологической системы языка как таковой, с включением в нее нормы вариантов фонетической реализации фонологических единиц, возникающих в результате внутриуровневых и межуровневых отношений между этими единицами. Этой же цели служит, на наш взгляд, все более широкое использование составного термина *фонетико-фонологический*. Он отражает реальность и одновременно неразделимость двух ступеней анализа единиц и явлений звуковой структуры языка. Фонология с ее акцентом на функциональности (дистинктивности) звуковых характеристик в данном случае не противопоставлена фонетике с приписываемым ей приоритетным вниманием к модификациям формы безотносительно к их дистинктивности/недистинктивности.

Конструктивность широкого подхода к толкованию фонологии наиболее явно доказывается на сегментном уровне, поскольку при таком понимании не только аллофония, но и внутриаллофонное варьирование органически входят в фонологическую систему языка, описание которой действительно становится фонетико-фонологическим.

В отношении принципов просодического анализа речи со всей очевидностью можно констатировать изоморфизм между сегментным и просодическим уровнями с точки зрения рассматриваемой проблемы единства фонетики и фонологии. Однако если анализ сегментных единиц всегда опирался на установленный инвентарь фонем, то в просодии ситуация значительно сложнее, поскольку создание подобных списков просодических единиц продолжает оставаться актуальной задачей просодических исследо-

ваний. Тем не менее, в высотно-тональной подсистеме просодии для многих языков, в том числе для английского и русского, уже установлены списки микро- и макроединиц, и вместе с тем существуют разногласия по поводу определения критериев дискретизации и статуса выявленных вариантов.

Общеизвестно, что число выделяемых разными авторами высотно-диапазональных вариантов, различаемых в рамках категориальных типов высотно-мелодических изменений – тонов и тональных контуров, варьирует в достаточно широких пределах (от 2 до 6–7). Такое же варьирование, естественно, характеризует дискретизацию высотных уровней и регистров в диапазоне голоса говорящего. Если квалифицировать его как фонетическое, то мы должны признать сам процесс дискретизации обусловленным сугубо физиологическими факторами, т.е. порогами слухового восприятия, и выбор большей или меньшей степени дискретизации тогда объясняется только авторским предпочтением.

Результаты специальных исследований, в том числе направленных на лингвистическое обеспечение многоязычного синтеза речи, показали, что вариативность в реализации категориальных тональных типов, т.е. различаемых на основе качественного признака – направления изменения ч.о.т., – обусловлена в принципе теми же факторами, что и выбор самого типа: коммуникативными, семантико-прагматическими, логико- и эмоционально-модальными, стилистическими. Иными словами, указанное варьирование позволяет выделять функциональные варианты, составляющие парадигму в рамках категории, в качестве которой выступает тот или иной тональный тип: нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий. По аналогии с аллофонами фонем каждый из вариантов обладает большим фамильным сходством реализующих его структур по сравнению с типом в целом. В то же время в отличие от аллофонов-фонем это сходство относится не только к форме, но и к семантике и функциям тональных структур. Характерно, что функциональность фонетической дискретизации обнаруживается не только в ключевом элементе просодического контура – ядерной акцентной единице, но и на других, предъядерном и заядерном, участках контура.

Оценка качества синтезируемой речи, созданной на основе разработанной нами компилятивной дифонно-просодической модели, показала, что ударные просодические диффоны (слоги типа СГ) предъядерных акцентных единиц, отобранные из естественной русской и английской речи носителей языка без учета позиции акцентной единицы в названной части контура, стали причиной низкой оценки качества просодического аспекта синтезируемой речи и ее качества в целом. Информанты-носители языка и аудиторы-эксперты оценили реализации, в которых ударный слог начальной акцентной единицы был представлен срединным, более низким по высотному уровню дифоном, как неадекватные речевой ситуации с точки зрения передаваемой информации и звучащие «странно» с точки зрения их представления о норме интонационной структуры. Таким образом, фонологи-

чески тождественные реализации, принадлежащие к одной категориальной единице – средне-высокому статическому тону, обладают функционально значимыми фонетическими различиями. Тем самым экспериментально подтверждается необходимость двух этапов в анализе и репрезентации просодических характеристик высказывания, что и достигается фонетико-фонологическим анализом.

Т. К. Кохнович

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИЗВИНЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ОБОИХ КОММУНИКАНТОВ

Языковые единицы с семантикой извинения не выходят из зоны внимания лингвистики. К изучению данных единиц обращаются как исследователи в области прагматики, рассматривая их в качестве средств реализации речевого акта извинения, так и ученые, занимающиеся вопросами межкультурной коммуникации, что связано с интересом к специфике выражения извинения в разных языках. Широкое употребление формул извинения, принятое в ситуациях естественной интеракции многих языковых сообществ, объясняется той важной функцией, которую они выполняют, – социальной функцией поддержания гармонии межличностных отношений между участниками коммуникации.

Мы рассматриваем извинение как полиинтенциональный речевой акт, объединяющий ряд коммуникативных намерений, таких как оправдание, раскаяние, признание собственной вины и т.д. Извинению предшествует неудачное или неправильное вербальное или невербальное действие говорящего, что позволяет характеризовать его в целом как реактивный акт.

Употребление тех или иных форм извинения в речи позволяет судить о степени вины автора, его эмоциональности. Извинения могут быть выражены эксплицитно, с использованием перформативных глаголов *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben*, а также их номинализаций *Entschuldigung*, *Verzeihung*, *Vergebung*. Четкой разницы в употреблении глаголов *entschuldigen* и *verzeihen* не существует, однако немецкий лингвист В. Ланге видит в слове *Verzeihung* более высокий стиль по сравнению с синонимом *Entschuldigung*. При совершении действий, проступков, которые имели для адресата серьезные последствия, а также при большой разнице в социальном статусе, употребляется форма „*Vergeben Sie bitte!*“. Извинение может быть выражено также имплицитно. Это проявляется в выражении сожаления по поводу принесенного ущерба, признанием вины или указанием на ненамеренность действия: *tut mir leid*, *ich bedauere*, *leider*, *dummerweise* и т.д. Такие высказывания, следующие за неудачным результатом действий, выражают отказ говорящего взять на себя вину за происшедшее. Формула *tut mir leid* и ее синонимы – выражение смирения с ситуацией, которую уже нельзя изменить. Реже употребляются косвенные речевые акты извинения в виде фразы „*Wie*